

Человек и культура

Правильная ссылка на статью:

Розин В.М. — Осмысление и практики будущего в истории и современности // Человек и культура. – 2023. – № 1. DOI: 10.25136/2409-8744.2023.1.39614 EDN: HCIDJW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39614

Осмысление и практики будущего в истории и современности

Розин Вадим Маркович

доктор философских наук

главный научный сотрудник, Институт философии, Российская академия наук

109240, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Гончарная, 12 стр.1, каб. 310

✉ rozinvm@gmail.com

[Статья из рубрики "Философия культуры"](#)

DOI:

10.25136/2409-8744.2023.1.39614

EDN:

HCIDJW

Дата направления статьи в редакцию:

15-01-2023

Аннотация: В статье обсуждаются исторические и современные синонимически понимаемые образы, дискурсы и концепты будущего. Автор вводит понятия актуального и неопределенного будущего, физикалистского и социального будущего. Предлагает реконструкция платоновского различения прошлого, настоящего и будущего в диалоге «Государство», позволяющая автору ввести принципиальную схему будущего. Показано, что дискурс будущего содержит три плана: позицию и концепцию будущего, позволяющие рационально помыслить и будущее и прошлое, и настоящее, отношение субъекта (индивида) к этим модальностям времени, объективную реальность, как правило, включающую в себя время и нетемпоральную (предметную) реальность. Помимо образа будущего, введенного Платоном, обсуждаются особенности образа и понимания будущего св. Августина, естественнонаучное понимание и образ будущего, понимание будущего, обусловленное построением социальных наук. Автор утверждает, что в настоящее время складывается новый образ будущего, для которого характерны: противопоставленность физикалистскому пониманию будущего, эпистемологическая непрозрачность реальности будущего, естественно-искусственная модальность мышления, новые онтологические основания. Все эти утверждения иллюстрируются на материале нескольких кейсов, в том числе романов А. Богданова, двух современных форсайт-исследований, концепций Платона и Аристотеля, проекта Ф. Бэкона, утверждений В. Зеньковского, книги Ф. Жульена и кейса-проекта «Донор», который

подробно анализировал автор.

Ключевые слова:

будущее, настоящее, прошлое, дискурс, концепт, образ, мышление, время, онтология, реальность

В сложной и неопределенной ситуации современности, чтобы понять, каким образом действовать, в каком направлении осуществлять социальные преобразования, все чаще прибегают к «практикам будущего», «работе с будущим» (прогнозированию, программированию и социальному проектированию, стратегиям форсайт, изображению будущих событий в художественных произведениях, утопиях и пр.). Один из многочисленных ранних примеров работы с будущим – романы А. Богданова «Красная звезда» (1908) и «Инженер Мэнни» (1912). Здесь и прогнозирование того, как будет организовано социалистическое хозяйство (на принципах распределения и расчета потребностей), но также прогноз возможного трагического развития революции, с одной стороны, в силу неготовности пролетариата, с другой – противоречивого развития хозяйства и экономики. И художественное предвидение конфликта интеллигенции и интеллектуалов с рабочими и социалистическими вождями. И утопия о конце света в романе «Инженер Мэнни» (см. [\[7\]](#)).

Если в романах Богданова понимание будущего еще нужно выявить (реконструировать), то в технологии форсайт оно кладется как основное содержание работы, именно задание будущего и работа с ним здесь являются основными. Например, «Центр стратегических исследований Сибирского федерального университета несколько лет тому назад опубликовал результаты интересного аналитического доклада "Будущее высшей школы в России: экспертный взгляд". Хотя авторы и эксперты этого доклада, среди которых есть известные философы и педагоги, подчеркивают, что будущее в отношении развития высшей школы в достаточной степени неопределенно, они, тем не менее, используя методы форсайт-исследования, характеризуют это будущее и прорисовывают в нескольких сценариях траекторию развития школы в России... Важно, – отмечают авторы, – чтобы образ будущего не был лишь политической декларацией, а действительно схватывал происходящие изменения и перспективы мирового и странового развития<...> В рамках проекта предполагается: 1) построение картины будущего высшей школы в России – исследование разворачивающихся тенденций, возможных критических ситуаций, изменений миссии и функций высшей школы по отношению к обществу, перспективных технологий образовательной и научной деятельности, ожидаемой активности различных субъектов в сфере образования, исследований и инноваций; 2) оформление поля сценариев, определение «желаемого будущего» (базового сценария) и дорожной карты "движения в будущее"; 3) определение требований к политике государства и управлению высшей школой с точки зрения «движения в желаемое будущее.» [\[2, с. 7-8\]](#) [\[9, с. 8-9\]](#)

В опубликованном проекте есть ответы на все три указанные задачи, и я анализировал насколько можно считать их удовлетворительными и правильными [\[9\]](#). Проблема в другом, в России не удастся создать эффективные экспертные сообщества. Например, вот как определяют технологию форсайт и характеризуют российское экспертное сообщество авторы другого проекта (руководитель С.А. Смирнов). «Если суммировать специфику проведения форсайтных исследований и реализации мировых форсайтов, –

пишут они, – то можно выделить несколько базовых отличий форсайта от иных проектов и исследований. 1. Форсайт предполагает обязательно работу с понятиями, с семантикой предмета. Необходимо ясно представить то, что хочется увидеть в будущем... Предмет становится «сложным популятивным объектом», результатом конфигурирования различных представлений... 2. Форсайт работает в длинном лаге, с горизонтом в 20, 30, 50 лет... 3. Форсайт отличается от прогноза тем, что прогноз предполагает линейное движение и изменение готовых объектов при сохранении нынешнего понимания вещей, нынешних скоростей и стилей жизни и проч. ... Форсайт строится на допущении неожиданных рисков и на конкуренции представлений. За будущее идет борьба. За будущее конкурируют разные группы людей. Поэтому не может быть одной модели и не может быть единственного образа будущего. Их много и все они друг с другом соприкасаются, взаимодействуют и конкурируют... *(но если мы не знаем, какое будущее победит, то не должны ли ввести понятие «неопределенного будущего?» – В.Р.)* 4. Будущее в этой связи не прогнозируется, оно не является неким отдаленным горизонтом. Будущее рукотворно. Оно конструируется. И за него придется отвечать перед будущими поколениями... Будущее не является прямым продолжением прошлого. Будущее может быть радикально иным, не являться результатом прошлого и настоящего... 6. А поэтому форсайт предполагает пошаговое движение к будущему. Он предполагает построение дорожных карт к будущему... Многие проекты страдают именно тем, что даже при неплохой проработке образа будущего карты не выстраиваются, а делаются наспех, в формате абы как сляпанных планов мероприятий. Без ресурсов, без ответственных, без положенной карты движения, в которой обязательно прохождение указанных пунктов... Форсайтеры вместе с экспертными группами и сообществами должны предложить сугубо практическую альтернативу: если нас не устраивает то настоящее, которое мы переживаем, то что надо делать в ближайшее и отдаленное будущее, чтобы это настоящее изменить? Какие конкретно практики мы предлагаем?» [\[5: 141\]](#).

«Судя по тексту доклада, в замысле у авторов проекта была надежда, во-первых, на экспертное сообщество, которое должно было выйти на общее согласованное видение будущего, во-вторых, на процедуры синтеза и конфигурирования экспертных знаний. Однако сами авторы, подводя итог своей работы, признают, что экспертное сообщество не удалось сформировать. Замечу, кстати, что слово эксперт произошло от греческого "знаток". Смысл общественной экспертизы состоит не в том, чтобы выйти на согласованное знание, а наоборот, чтобы получить веер разных суждений и мнений экспертов, причем предполагается, что эксперты, например ученые, хотя реально могут принадлежать одному сообществу, тем не менее, имеют разные взгляды на интересующий вопрос. Синтезирование же экспертных знаний, на мой взгляд, выглядит неубедительным, к тому же, похоже, оно осуществлялось руководителем работы, а, следовательно, всегда можно спросить, почему его точка зрения взята за основную. Вот указанный, почти драматический, но очень честный итог. «Приведенная выше в двух вариантах самодиагностика экспертов показывает нам, как минимум, то, что экспертного сообщества как организованного и объединенного в горизонтальные связи мыслительного единения у нас, конечно, нет...

В России проблема экспертного сообщества по-прежнему остается нерешенной, хотя и в нашей стране проект долгосрочного прогнозирования уже развивается на протяжении 5 лет. Для российского экспертного сообщества характерно принятие решений в рамках узких групп влияния, а не в пространстве широкой коммуникативной платформы, количество устойчивых площадок, центров прогнозирования явно недостаточно. Причины этого можно найти и в ментальности российского экспертного сообщества и в

низком уровне инновационной активности российских компаний, однако кажется справедливым предположить, что в России принципиально по-иному выстроены взаимоотношения между научно-технологическим, государственным и бизнес-секторами. Россия в силу своей национальной, государственной, политической и экономической специфики не является столь гомогенным обществом с высоким кредитом доверия государству, как Япония, кардинально отличается Британии, где малый бизнес не так далек от государства, как в нашей стране, и не интегрирована в масштабное единство Европейского пространства, как Германия. Инициатива государства в деле долгосрочного прогнозирования – это то, с чего начинала каждая из этих стран, однако в дальнейшем каждая из них избрала свое направление инновационной деятельности, и логично предполагать, что российский форсайт также должен быть методологически и организационно быть адаптирован под российский контекст. В противном случае разрыв между теорией и практикой, “верхами” и “низами”, где, по сути, и реализуются рекомендации – результаты форсайта аннулирует многолетнюю работу и финансовые инвестиции в сбор, анализ и описание возможных сценариев будущего нашей страны» [\[5, с. 79, 84; 9\]](#).

Но вернемся к проекту образования. И здесь экспертное сообщество не было единым и достаточно компетентным. Следовательно, предлагаемый образ будущего российского образования представляет собой не правдоподобную картину или экспертные представления, которые определяют в нужном направлении развитие образования, а скорее утопию. Кроме того, где уверенность, что на пути к будущему образованию сохранятся (или будут соответствовать предполагаемым в форсайте изменениям) основные условия и социальность, что они не изменятся кардинально, как это произошло в конце прошлого столетия?

Можно заметить, что в обоих проектах авторы исходили из определенного понимания будущего. Насколько оно было отрефлексированным и проработанным? В очень малой степени. А ведь от понимания будущего зависят и подходы и логика исследования. Пожалуй, этот недостаток характерен и для других практик будущего: они пользуются слабо отрефлексированным или неотрефлексированным вообще образом (пониманием, концептом) будущего. Если это так, то напрашивается задача охарактеризовать основные образы будущего.

Прежде всего, разведем «актуальное будущее» и образы будущего. Например, Френсис Бэкон в XVII столетии набросал в своих книгах такой образ будущего: человек овладеет природой, станет могущественным, создаст для этих целей науки о природе и «новую магию» (инженерию), построит новую социальную организацию, обеспечивающую решение этих задач [\[10, с. 148-156\]](#). В целом этот проект (если мы сейчас исключим возникшие негативные последствия, но ведь автор проекта о них не догадывался) был реализован, и вторую половину XIX и первую половину XX столетия по отношению к бэконовскому замыслу и образу будущего можно охарактеризовать как актуальное будущее. То есть актуальное будущее – это период, в котором мы живем и который мы видим сквозь призму того или иного исторического образа будущего. Наше актуальное будущее вполне можно назвать неопределенным, учитывая множество замыслов и образов будущего, появившихся в XX столетии (а мы сейчас в XXI) и невозможность предпочесть какое-то одно.

Теперь рассмотрим исторические образы будущего. Приведем сначала один исторический материал (кейс), где уже намечался образ будущего. Это диалог Платона «Государство». В нем есть фрагмент, где души перед очередным циклом жизни на земле

(пока они еще находятся на небе, но должны опуститься на землю и войти в человеческое тело) должны выбрать свою будущую судьбу (разные судьбы представлены жребиями, которые предлагает богиня судьбы Лахесис).

«После этих слов прорицателя сразу же подошел тот, кому достался первый жребий, он взял себе жизнь могущественного тирана (перед этим Лахесис, бросавшая в толпу душ жребии, сказала: *«Добродетель не есть достояние кого-либо одного, почитая или не почитая ее, каждый приобщается к ней больше или меньше. Это – вина избирающего, бог не виновен»* . – В.Р.). Из-за своего неразумия и ненасытности он произвел выбор, не поразмыслив, а там таилась роковая для него участь – пожирание собственных детей и другие всевозможные беды. Когда же он потом, не торопясь, поразмыслил, он начал бить себя в грудь, горевать, что, делая свой выбор, не посчитался с предупреждением прорицателя, винил в этих бедах не себя, а судьбу, богов – все что угодно, кроме себя самого...Случайно самой последней из всех выпал жребий идти душе Одиссея. Она помнила прежние тяготы и, отбросив всякое честолубие, долго бродила, разыскивая жизнь обыкновенного человека, далекого от дел; наконец, она насилу нашла ее, где-то валявшуюся, все ведь ею пренебрегли, но душа Одиссея, чуть ее увидела, с радостью взяла себе» [\[6, с. 417, 418-419\]](#).

Можно заметить, что начинают складываться три плана: настоящее, заданное ситуацией выбора судьбы; прошлое, посредством действия памяти («она помнила прежние тяготы») и будущее, с одной стороны, как актуальное попадание в определенную реальность в будущем времени («пожирание собственных детей и другие всевозможные беды»), с другой – как потенциальное бытие (Одиссей хочет прожить спокойную жизнь «обыкновенного человека»). Спрашивается, что связывает эти три плана, каким образом прошлая и будущая жизнь определяют выбор в настоящем?

Во-первых, они связаны языком, в котором есть модальности времени. «Чтобы доказать существование времени, – пишет Франсуа Жульен, – достаточно единственного факта наличия спряжения (мы говорим “было” или “будет”). Бог, говорит Плотин, не может “ошибаться”, выражаясь так» [\[3, с. 46\]](#). В то же время, например, китайский язык не имеет спряжений, он «не предназначен для того, чтобы производить различие между временами» и, как факт, в Китае нет понятия времени [\[3, с. 46\]](#). Когда же в конце XIX в. китайцы «познакомились с европейской мыслью, они передали – вынуждены были передать – термин “время” через неологизм, построенный на заимствовании из японского. “Время” было переведено на китайский как “между-моментами”, а пространство параллельно как “между-пустотами”» [\[3, с. 74\]](#).

Во-вторых, указанные планы связаны процедурой реинкарнации: души подобно стрелкам часов движутся по кругу в одном направлении – с неба переходят на землю и проживают жизнь в теле человека, а после его смерти идут на небо и живут там, затем снова опускаются на землю и т.д. В-третьих, прошлое, настоящее и будущее объединены у Платона его «философско-эзотерической концепцией правильной жизни. Правильная жизнь, убежден Платон, позволяет душе припомнить мир идей и богов, приобщиться к ним, и следовательно, ведет к спасению и блаженству [\[11, с. 23-41\]](#). С точки зрения этой концепции прошлая жизнь Одиссея была неправильной, а будущая ведет к спасению, и первый шаг на этом пути – правильный выбор судьбы.

Если иметь в виду анализируемый дискурс, то Платон намечает известную нам схему, а именно, что *знание прошлого и будущего определяют действия и сознательную жизнь в настоящем*. Хотя Платон считал построенную им картину мира и спасения объективной,

Аристотель оценивал ее как субъективное построение самого Платона. Но если это субъективное построение и субъективный выбор, то разных будущих столько, сколько разных личностей. Подобное субъективное и множественное будущее можно назвать «субъективно-личностным». Это первый тип. К нему, например, относятся большинство эзотерических концепций будущего» [\[12\]](#).

Анализ этого кейса позволяет построить принципиальную схему будущего как образа (концепта и дискурса) Платона.

	Ψ (Платон)	концепция		
				
прошлое	←	Ψ (субъект)	→	будущее
		↓		
		настоящее		
		Объективная реальность (время, реинкарнация)		

В концепции Платона будущее задается двояко: с одной стороны, это выбор человека (событие, образ, переживание, разные по отношению в прошедшему, настоящему и будущему), с другой – объективное, деиндивидуальное отношение (во времени и процессе реинкарнации). Как мы увидим дальше, для будущего всегда сохраняются эти три «координаты»: первая, позиция и концепция мыслителя (идеолога) как *рамка*, которая позволяет понять *смысл* будущего (прошлого и настоящего), вторая, образ будущего, как продукт *работы сознания* субъекта, третья, объективная реальность, задающая связь между прошлым, настоящим и будущим, как правило включающая два процесса – время и другой нетемпоральный (предметный) процесс.

Например, историческую и культурную заслугу св. Августина можно понять таким образом, что он, обсуждая прошлое, настоящее и будущее, во-первых, осознал (отрефлексировал) работу сознания индивида, во-вторых, заменил, по сути, архаические реальности души и реинкарнации реальностью бытия (деяний) христианского Бога (создания Им мира и человека, парусии, превращения ветхого человека в нового, христианина).

«В тебе, душа моя, – пишет Августин в «Исповеди», – измеряю я время <...> Только потому, что это происходит в душе, и только в ней существует три времени. Она и ждет и внимает, и помнит: то, чего она ждет, проходит через то, чему она внимает, и уходит туда, о чем она вспоминает. Кто станет отрицать, что будущего еще нет? Но в душе есть ожидание будущего. И кто станет отрицать, что прошлого уже нет? Но и до сих пор есть в душе память о прошлом. И кто станет отрицать, что настоящее лишено длительности: оно проходит мгновенно. Наше внимание, однако, длительно, и оно переводит в небытие то, что появится» [\[1, с. 173, 174, 176\]](#).

Если, пишет В.Зеньковский, «в Ветхом Завете было дано обещание спасения, то Новый Завет открывается проповедью: “Покайтесь, ибо приблизилось Царство Божие”... Тем самым уже обозначился конец истории – и не раз бывало в истории христианских народов, что они переживали остро и взволнованно близость конца истории, “парусии” –

второго пришествия Спасителя. Сознание близости конца истории в позднейшем иудействе привело к появлению многочисленных апокалипсов, а Новый Завет ответил на это Откровением ап. Иоанна. Как ни загадочны мнения части той картины, которые мы находим здесь, но основной мотив – “нового неба и новой земли”, преобразования бытия (“Се творю все новое”) доминирует над всем... Известно, что, например, в конце XV в. у нас в России с такой уверенностью ждали конца истории, что уже не составляли пасхалии на XVI в. В целом ряде эсхатологических движений в XIX в. (среди протестантов) мы находим попытки вычислить точно день, когда будет второе пришествие Спасителя» [4].

	Ψ (Августин)	концепция		
				
прошлое	←	Ψ (субъект)	→	будущее
		↓		
		настоящее		
		Объективная реальность (Священное писание)		

В. М. Васнецов, *Воинствующий Христос*
(Второе пришествие Христа перед концом света), 1887

Картина конца света из Старой пинакотeki, ранее приписывавшаяся Босху

Совершенно другой образ и дискурс будущего наметил Аристотель. Он разделяет практические действия, трактуемые в модальности искусственного, и естественные процессы, происходящие «по природе», и утверждает, что эффективными (обеспечивающие поставленные цели) будут только те практические действия, которые совершаются с учетом естественных процессов (разворачивающиеся как бы на их волне). Задача науки, по Аристотелю, выявление и описание естественных процессов. Если анализировать «Физику» Аристотеля, то приходится признать, что необходимое условие построения науки – не только выявление естественных процессов, но и использование математики. Исследования Аристотеля позволяли предположить, что будущее должно пониматься как **естественно-искусственный** феномен. Например, хотя движение планет на небе можно изучать как естественный процесс, что и имело место в античной астрономии, но одновременно этот процесс искусственный, поскольку, по мнению Аристотеля, движет планетами божественный ум («перводвигатель»).

Как известно, эта программа во многом содействовала построению в новое время естествознания. В рамках концепции естествознания утверждалось, что именно математика позволяет описывать естественные процессы, но естественные процессы отличаются от обычных, наблюдаемых, так сказать, «за окном». Естественными могут считаться процессы, которые, во-первых, описаны математически, во-вторых, приведены в эксперименте в соответствии с этими описаниями (для этого приходится преобразовывать природу за окном, создавая «техноприродные» образования). Например, за окном наблюдения показывают, что чем тело тяжелее, тем с большей скоростью оно падает, (это установил Аристотель и еще раз подтвердил Леонардо да Винчи). Но в пустоте все тела, независимо от веса, падают с одинаковой скоростью. Этот закон установил уже Галилей, математически описав падение тел и создав условия (эквивалентные пустоте), в которых падение тел происходило в строгом соответствии с данным математическим описанием. Падение тел в пустоте – это и естественный процесс и искусственный, ведь среда в данном случае (т.е. условия, в которых происходит падение) создается человеком.

Развитие естествознания привело и к новому пониманию будущего. Лучше это можно понять, продумывая, что собой представляют расчеты и предсказания предстоящего солнечного или лунного затмения. Во-первых, оно относится к будущему событию. Во-вторых, затмение представляет собой особое расположение планет в солнечной системе, которое как природный естественный процесс подчиняется физическим законам и может

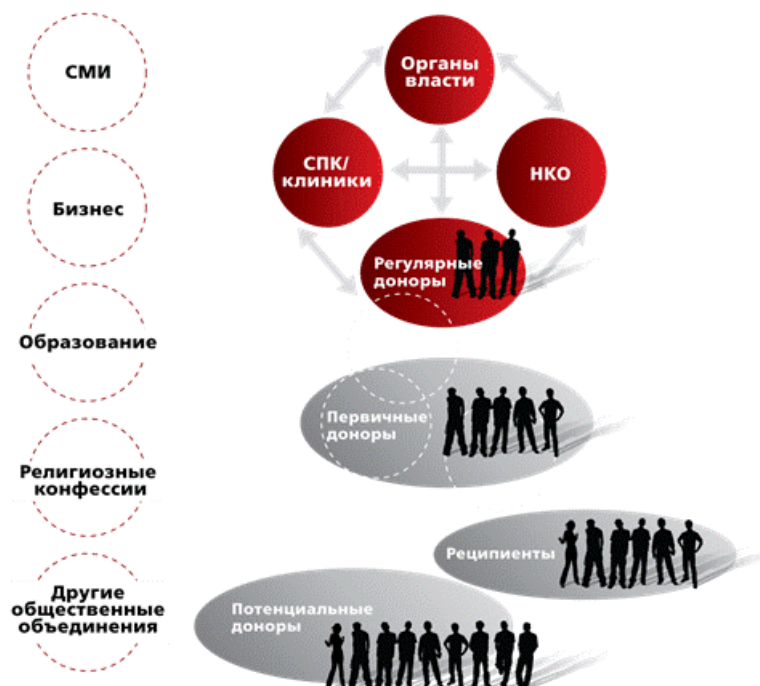
быть математически описано. В-третьих, человек может удостовериться, что затмение, действительно, произошло именно в предсказанное время и в указанном месте земли. Это один вариант эффективного практического действия, другой, инженерный, когда законы тяготения Кеплера и Ньютона стали использоваться для конструирования и навигации самолетов и ракет. В-четвертых, для человека затмение, безусловно, важное событие и переживание. Таков новый образ будущего – оно существует в будущем времени, является состоянием (событием) естественного природного процесса, это состояние можно охарактеризовать, опираясь на законы природы и математику, они же позволяют решать инженерные задачи.

	Ψ (физик)	Концепция естествознания		
				
прошлое	←	Ψ (субъект)	→	будущее
		↓		
		настоящее		
		Объективная реальность (физическое время, естественные процессы)		

Другой, не совпадающий с физикалистским, образ будущего стал складываться при формировании гуманитарных и социальных наук. Если естествознание позволяет сделать будущее, так сказать, «прозрачным», в эпистемологическом смысле, поскольку ученый может его описать математически как природный процесс, а инженер даже воспроизвести натурально (технически), то социальный образ будущего, напротив, как правило, неясен, именно эпистемологически. Да, человек будущее замышляет, например, ставит задачу построить социализм или выиграть войну, но вот получится замысленное или нет – это всегда вопрос.

Таково первое отличие социального будущего – оно не прозрачно. Чтобы сделать его прозрачным, то есть описать так, чтобы быть уверенным, что актуальное будущее совпадет с замысленным, и создаются, с одной стороны, социальные науки, с другой – социальные практики, в том числе практики будущего, работы с будущим. Важнейшая задача, решаемая на первом этапе в этих практиках, построение реальности и образа будущего. Например, при разработке проекта «Донор», который я подробно анализировал, методологи сначала решали именно эту задачу. Рассмотрев проблему (острая необходимость склонить россиян сдавать больше кровь) и проанализировав ситуацию у нас и за рубежом, они вышли на гипотезу, что сдача донорами крови предполагает как особое сознание, так и поведение в рамках социального института, и что, следовательно, задача состоит в построении нового социального института донорства.

Принципиальная модель института донорства

Второе отличие – отсутствие или недостаточность знаний о естественных социальных процессах. Поэтому вторая задача, решаемая в практиках работы с будущим, – получение подобных знаний, что предполагает исследование процессов становления и развития социальных образований, а также их функционирования, включая такие факторы как деятельность людей и организаций, экономика, национальные традиции, ресурсы и др. Даже из одного этого перечисления видно, что природа естественных социальных процессов («вторая природа») принципиально отличается от природы естественных физических процессов («первой природы»). Например, она изменяется под влиянием деятельности людей – их замыслов, проектов, программ, технологий; изменяется она и в результате смены культуры, а также исторических коллизий. Как следствие, социальные изменения, с одной стороны, сингулярны, с другой – законосообразны. Так, разработчики проекта «Донор», с одной стороны, исходили из того, что российская ситуация конца XX и начала XXI столетия уникальная (устарело оборудование забора крови, снизилось желание помочь больным и пр.), а с другой – продолжают действовать общие социальные закономерности (институциональные и психологические).

Третье отличие не менее существенное: не инженерные практики и деятельность, а переобучение, пропаганда, создание новых условий для жизни и общения. «На основе этого исследования были разработаны программа и мероприятия работы со значимыми социальными персонами (известными государственными деятелями, политиками, артистами, ведущими ТВ и пр.), которые пропагандировали донорство и часто сами сдавали кровь.

В целом проведенные методологические и теоретические прикладные исследования позволили разработать и выполнить в 2008-2009 гг. следующие действия (мероприятия):

- детальное информирование населения России о базовой социальной потребности, которую удовлетворяет институт донорства, её масштабах и последствиях в случае невыполнения институтом донорства своих функций;
- формулирование и формирование ценностей института донорства (донорство – норма жизни, донорство – это полезно, донор – здоровый человек и т.п.);

- выявление основных участников института донорства, стимулирование их активности;
- создание стандартов и норм коммуникации, взаимодействия и поведения как внутри отдельных социальных организаций и позиций, так и между ними;
- создание символики и фирменного стиля Службы крови, с которым идентифицируется институт донорства в целом, проведение символических акций (Всероссийская видеоконференция, Форум службы крови, отдельные акции в регионах);
- формирование коммуникации и взаимодействия службы крови с другими социальными институтами, указанными на принципиальной схеме донорства.
- задание традиционных мероприятий для института донорства.

Стоит обратить внимание, что все эти действия реализовывались только в тех регионах, где к переменам была готова инфраструктура (было проведено соответствующее переоснащение станций переливания крови).

Поскольку разработка социального проекта предполагает социальное управление реализация проекта «Донор» включала такие технологии как *организация, обучение и настройка сознания*. Как известно, управление – это работа, не только связанная с организацией рабочего процесса (производства в широком понимании), но и с людьми. В последнем случае она в значительной степени сводится к *организации, обучению и нужной управленцу настройке сознания* специалистов и пользователей. Все эти три вида управленческих воздействий после соответствующих исследований и были реализованы в проекте «Донор». Например, прошли переподготовку и обучение работники станций переливания крови и клиник, существенная работа была проведена с чиновниками органов власти, чтобы сформировать у них правильное отношение к донорству, практически со всеми участниками проекта шла организационная работа» [\[13, с. 100-101\]](#).

Если вернуться к пониманию форсайта, то можно согласиться с утверждением Сергея Смирнова, что будущее рукотворно. Разработка проекта «Донор» это полностью подтвердила, как и то, что без серьезных социальных и методологических знаний создать желаемое будущее невозможно. Социальные знания необходимы для конструирования и становления естественных социальных процессов, а методологические для эффективного мышления, направляющего подобное рукотворное социальное зодчество. В частности, проект «Донор» позволил сформулировать следующие положения о роли методологической работы:

- «Методологическое проектирование, исследование и сопровождение входят органической частью в преобразование сложившейся ситуации и становление интересующего общества феномена.
- Для целей управления преобразованиями необходимо различать два взаимосвязанных горизонта: собственно *преобразования* как *искусственный* план и *становление феномена* как план *естественный*, причем *преобразования и методологическая работа участвуют в становлении данного феномена*. Так методологическая работа и различные мероприятия, направленные на создание института донорства делали вклад в становлении этого института.
- Особенности и характеристики становящегося феномена (целого) выявляются и определяются на методологических схемах и дальше уточняются и доводятся в процессе реализации методологического проекта.

- Необходимое условие конкретизации и нужного видоизменения методологического проекта – *исследование* подсистем, единиц и отношений становящегося феномена, выявляемых на методологических схемах. Другое условие – *формирование* подсистем, единиц и отношений, заданных методологическими схемами, поскольку «естественные составляющие» становящегося феномена конституируются в целенаправленных преобразованиях (обучении, переобучении, коммуникационных компаниях и прочее).

- Эффективность методологических схем и проекта обусловлена не в последнюю очередь тем, насколько правильно выявлена социальная проблема, есть ли в обществе потребность в предлагаемых изменениях (например, при реализации проекта выяснилось, что у многих россиян существует острая потребность в осмысленных, общественно значимых делах), обеспечено ли методологическое управление и сопровождение.

- Методологические схемы и знания не могут считаться строгими моделями, их эффективность и моделесообразность выясняются в процессе реализации методологического проекта. Сама же эта реализация представляет собой итеративный процесс, в ходе которого уточняются и, если нужно, пересматриваются и замысел и схемы, и проект.

В целом логика действий в рамках данной социальной технологии подчиняется принципу, который можно назвать «принципом смены реальностей и модальностей». Так методологическое проектирование и задание целого (в данном случае донорства как социального института) предполагает «искусственную модальность» и движение в «проектной реальности». В свою очередь, проектирование и методологическая работа опираются на исследования, что означает, смену модальности (с искусственного на естественное) и переход в реальность научного мышления (более широко, в реальность познания, поскольку знания могут быть не только научные, но опытные). Формирование недостающих единиц и отношений целого – это опять модальность искусственного, но реальность теперь другая, а именно, реальность «практического действия». Однако, поскольку формирование, также как, и вообще, методологическое управление процессом становления института донорства входят в это становление и поэтому могут изучаться, в частности, в целях коррекции исходных схем, установок и целей, постольку одновременно имеет место модальность естественного и реальность становящегося целого (института донорства).

Особо стоит обсудить аксиологическую сторону задания целого. В данном конкретном случае для всех были очевидны положительные ценности восстановления института донорства. Для больных – это надежда на спасение жизни и излечение. Для врачей донорская кровь – совершенно необходимое средство и ресурс их профессиональной деятельности. Для доноров сдача крови – одно из условий реализации личности и социальной идентификации (помогаю ближнему, жертвую свою кровь на благое дело, поэтому ощущаю единство с другими людьми и соотечественниками, и прочее). Для общества донорство, как массовое движение – свидетельство его консолидации и единения.

Но значительно чаще абсолютная положительная ценность намечаемых социальных изменений не проглядывается, зато возникают разные соображения, свидетельствующие о возможных негативных последствиях» [\[13, с. 105-107\]](#).

Проект «Донор» был вполне удачным, россияне пошли сдавать кровь, и проблема была снята [\[13, с. 104-105\]](#). Вопрос, насколько удачны другие российские проекты будущего? Но

даже, если пока большинство из них неэффективные (к сожалению, это так), трудно отрицать «тихую революцию», происходящую в осознании и практике социального зодчества. Одна из черт этой революции – формирование нового образа (концепта, дискурса) будущего. Пока речь идет о разных практиках и формах осознания (форсайт, экосистемный подход, методологический подход, мягкий системный подход и др.), конкурирующих между собой. Но все они в той или иной мере противостоят физикалистской трактовке будущего, понимают будущее в логике искусственно-естественной модальности мышления, формируют практики работы с будущим, выходят на новые онтологические основания.

Библиография

1. Августин Аврелий Исповедь. М., 1992. 324 с.
2. Будущее высшей школы в России: экспертный взгляд. Форсайт-исследование – 2030. Аналитический доклад. Центр стратегических исследований и разработок Сибирского федерального университета. Красноярск, 2012. 182 с.
3. Жульен Ф. О «времени». Элементы философии «жить». М., 2005. 280 с.
4. Зеньковский В.В. Христианская философия. Составитель и отв. редактор О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации. 1072 с., 2010. <http://texts.news/knigi-teleologiya/kontse-istorii.html>
5. Новые идентичности человека. Анализ и прогноз антропологических трендов. Антропологический форсайт. Аналитический доклад / Под ред. С.А. Смирнова. Новосибирск: НГУЭУ, 2013. 225 с.
6. Платон. Государство. Собр. соч. в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994.
7. Розин В.М. Романы А. Богданова: утопия или художественная рефлексия грядущей социальности и дилемм личности автора? // Культура и искусство. 2022. № 10. С. 22 – 37/
8. Розин В.М. Образование в условиях модернизации и неопределенности. М.: «ЛИБРОКОМ», 2013. 80 с.
9. Розин В.М. Осмысление концепции форсайт или новый тип социального действия в современной культуре // Культура культуры. 2015. N 4/
10. Розин В.М. Природа: Понятие и этапы развития в европейской культуре. М.: ЛЕНАНД, 2017. 240 с.
11. Розин В.М. «Пир» Платона: Новая реконструкция и некоторые реминисценции в философии и культуре. 2015. 200 с.
12. Розин В.М. Эзотерический мир. Семантика сакрального текста. Изд. 2. М., 2011. 320 с.
13. Розин В.М. Проектирование и программирование: Методологическое исследование. М.: ЛЕНАНД, 2018. 160 с.
14. Смирнов С.А. Форсайт: от прогноза к социальной инженерии // Вестник НГУЭУ. 2014. N 3. С. 10-30.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исключительно актуальной с научной и практической точек зрения проблеме разработке методологии исследования прошлого и настоящего с

целью прогнозирования вероятного – и, что не менее важно, желательного – направления развития общества в будущем, предполагающего изменения как в научно-технологической, так и в социально-экономической сферах. Значимость подобных исследований особенно возрастает в периоды нестабильности, бурных социальных преобразований, экономических кризисов, неопределённости в предпочтениях различных сообществ, распространяющихся на области политики, религии, нравственности. Не приходится сомневаться, что переживаемый нами сегодня этап общественного развития в полной мере соответствует указанным характеристикам, а потому привычных методов социального прогнозирования, исходящих из опоры на модели «линейного» развития, оказывается недостаточным. В этой связи автор статьи обращается к опыту использования технологий «форсайт», предполагающих выбор перспектив, не только оправданных с точки зрения обоснованности предсказаний на основании анализа текущей ситуации, но и соответствующих ожиданиям тех или иных социальных групп, как правило, имеющих значительное влияние на выбор альтернативных социальных стратегий. Помимо собственно «научной» составляющей (анализ, в том числе, динамики развития технологий и возможных инноваций), успешное использование технологий «форсайт» предполагает соблюдение определённых социально-обусловленных механизмов обсуждения рассматриваемых «проектов будущего», а для этого, разумеется, требуется определённый уровень развития «коммуникативной среды», культуры демократического по своему характеру диалога. В этой связи автор статьи оправданно замечает, что не только в общенациональном масштабе в нашей стране пока не представлена подобная «культура обсуждения и диалога», но она отсутствует и в так называемом «экспертном сообществе», слабость которого обусловлена как раз крайне «недемократичными», «закрытыми для общественности», методами его «комплектования»: «Для российского экспертного сообщества характерно принятие решений в рамках узких групп влияния, а не в пространстве широкой коммуникативной платформы, количество устойчивых площадок, центров прогнозирования явно недостаточно. Причины этого можно найти и в ментальности российского экспертного сообщества и в низком уровне инновационной активности российских компаний ... в России принципиально по-иному выстроены взаимоотношения между научно-технологическим, государственным и бизнес-секторами». Сложившаяся ситуация препятствует сочетанию в процессе использования «форсайт»-технологий аналитического и ценностного факторов. Как показывает автор на примере проектов развития российского образования, «образ будущего» наполняется в таком случае неопределёнными фантазиями, обрывками «модных» западных идеологем или доморощенных должностных инструкций, оценить которые те, кому они предназначены для исполнения, могут лишь в узком профессиональном сообществе, не имеющем никакой возможности повлиять на развитие ситуации: «Предлагаемый образ будущего российского образования представляет собой не правдоподобную картину или экспертные представления, которые определяют в нужном направлении развитие образования, а скорее утопию. Кроме того, где уверенность, что на пути к будущему образованию сохранятся (или будут соответствовать предполагаемым в форсайте изменениям) основные условия и социальность, что они не изменятся кардинально, как это произошло в конце прошлого столетия?». И ещё одна не менее справедливая констатация: «Можно заметить, что ... авторы исходили из определенного понимания будущего. Насколько оно было отрефлексированным и проработанным? В очень малой степени. А ведь от понимания будущего зависят и подходы, и логика исследования. Пожалуй, этот недостаток характерен и для других практик будущего: они пользуются слабо отрефлексированным или неотрефлексированным вообще образом (пониманием, концептом) будущего». Конечно,

не все проекты столь малоосмысленны, автор ссылается, например, на удачный проект «Донор». Поэтому несмотря на все трудности в статье представлен, скорее, умеренно-оптимистичное резюме предпринятого анализа проблемы: «Насколько удачны другие российские проекты будущего? ... Даже если пока большинство из них неэффективны (к сожалению, это так), трудно отрицать «тихую революцию», происходящую в осознании и практике социального зодчества. Одна из черт этой революции – формирование нового образа (концепта, дискурса) будущего. Пока речь идет о разных практиках и формах осознания (форсайт, экосистемный подход, методологический подход, мягкий системный подход и др.), конкурирующих между собой. Но все они в той или иной мере противостоят физикалистской трактовке будущего, понимают будущее в логике искусственно-естественной модальности мышления, формируют практики работы с будущим, выходят на новые онтологические основания». Что ж, современный российский читатель, думается, с интересом познакомится как с самим содержанием статьи, так и склонен будет принять этот положительный прогноз автора. Статья соответствует всем основным критериям, предъявляемым к научным публикациям, можно было бы только порекомендовать снять часть материала, не относящегося непосредственно к теме (например, размышления о Платоне или Августине), но это может быть сделано в рабочем порядке до публикации статьи.